

Анна Дашевская

Мессере Джованни,
ваш кот слишком умен!..

Хроники Союза королевств

Анна Дашевская

**Мессере Джованни, ваш
кот слишком умён!..**

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Дашевская А.

Мессере Джованни, ваш кот слишком умён!.. / А. Дашевская —
«Мультимедийное издательство Стрельбицкого», — (Хроники
Союза королевств)

ISBN 978-0-35-913221-8

Лукка, один из прекраснейших городов Тосканы... Лукка с её древними башнями, на крышах которых растут деревья, с её широкими стенами, превращенными в бульвары; улицы и дома этого славного города, окрестные холмы, роци и виноградники – всё это навсегда останется в сердце каждого, кто хоть раз войдет в городские ворота. Джон Довертон возвращается в этот город снова и снова. Вот и в этот осенний день он прошёл по знакомым улицам и встретился со старыми друзьями... Для Лизы фон Бекк в Лукке всё только начинается: работа в здешнем ресторане в новой для неё роли шеф-повара, жизнь в Тоскане, встречи с незнакомыми людьми, новая любовь, может быть? Только вот странная магия творится в Лукке, в Лации, во всем Союзе королевств, странная и нехорошая. И, если Джон Довертон влезает в самую гущу неприятностей по долгу службы, то зачем это нужно Лизе? Дороги сплетаются и вновь расходятся, ведут из Лукки в Фиренцу, а оттуда в Медиоланум. И каждый поворот высвечивает всё яснее того, кого ищет Довертон: мага, решившего, что для достижения его цели можно не считаться с чужими жизнями. Тёмного мага – убийцу, которого Джон должен найти и обезвредить.

ISBN 978-0-35-913221-8

© Дашевская А.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

ГЛАВА 1	6
ГЛАВА 2	12
ГЛАВА 3	17
ГЛАВА 4	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Анна Дашевская

Мессере Джованни, ваш кот слишком умён!

ГЛАВА 1

Он вошел в город через Южные ворота на закате, как раз в тот момент, когда из башни Сан-Коломбано, позевывая, появились патрульные городской стражи. На туриста этот человек похож был не больше, чем устрица на грушу, так что старший патруля, капрал Валлиснери, подтянулся, вскинул ко лбу ладонь в салюте и строго сказал:

– Документики попрошу!

Гость города, с любопытством оглядывавший широченную стену и растущий перед ней невероятной толщины дуб, повернулся к патрульным и осмотрел и их с неменьшим интересом. Потом вежливо сказал лежащему у него на плечах черному с серебристыми подпалинами коту:

– Прости, Неро, придется тебе прогуляться пешком.

Кот раскрыл зеленый глаз, чихнул и мягко спрыгнул на землю. Судя по тому, как мужчина распрямился и повел плечами, они освободились от немалой тяжести.

– Ну и зверь у вас, – уважительно произнес второй патрульный, младший капрал Гуинери. – Сколько ж он весит? Это порода такая?

– Весит около десяти килограммов. Да, такая порода, мейн-кун. Из Нового света происходит, – ответил мужчина, копаясь в дорожной сумке в поисках удостоверения личности. – Ага, вот оно!

Капрал Валлиснери подумал, что, судя по длительности поисков, сумка-то явно непростая, а как бы и не магическая, с расширением пространства, и раскрыл паспорт.

– Джон Довертон, из Люнденвика, так-так, – прочитал он и поднял взгляд на поименованного Джона. – А к нам в Лукку по делам, или так, по любопытству?

– По делам, пожалуй что, – ответил тот как-то неуверенно, потом сам себе кивнул и сказал уже твердо: – Да, вот именно. Просто дела очень любопытные.

– Надолго ли? И где планируете остановиться?

– Пока на неделю, там видно будет. А жить буду у синьора Арригони. Теперь, с вашего позволения, я позволю себе откланяться, – на последней фразе голос его посуровел, да и улыбаться путешественник перестал.

– Добро пожаловать в Лукку, синьор Довертон, – Капрал вновь вскинул ладонь возле серо-голубого берета и отошел в сторону.

Джон Довертон шагнул вперед. В этот момент откуда-то слева донесся густой, мощный звук большого колокола, созывающего к службе почитателей Единого. Гость Лукки повернулся к патрульным и спросил:

– В соборе звонят?

– Да, синьор. Собор святого Мартина, – ответил младший капрал.

– Вот и отлично... – пробормотал Довертон и свернул в переулок.

Кот оглянулся на патрульных, будто запоминая их, и неторопливо последовал за ним.

Переулок был коротеньким и узким; справа высились три трехэтажных дома, жилых, судя по верёвкам с бельём на балконах верхних этажей. Слева же на всем протяжении виднелась стена, выложенная полосами белого и зеленого мрамора. Деля стену на равные части, эти полосы прерывали три глубокие ниши; в двух крайних журчала вода, перетекая из одной мраморной ракушки в другую, средняя же была занята скульптурой. Женская фигура представляла закутанной в покрывало. Неведомый мастер сумел в мраморе, самом лучшем, каррарском,

передать полупрозрачную легкость ткани. Губы женщины трогала печальная улыбка, правая рука приподнялась в благословляющем жесте...

– Милостивая Ниала, прошу тебя, направь меня на верный путь и не дай оступиться! – Джон Довертон преклонил колени и замер на мгновение.

Потом выудил из кармана золотой дукат и опустил в чашу для пожертвований.

Кот тем временем остановился возле третьего, последнего дома по правой стороне переулка, сел возле входной двери и коротко мяукнул. На подоконник второго этажа сквозь приоткрытую створку окна вытекла изящная дымчатая кошечка и улеглась, свесив пушистый хвост.

– Неро, не время сейчас, – укоризненно сказал коту подошедший хозяин.

Мейн-кун встал, раздраженно дернул хвостом и пошел впереди своего человека к соборной площади.

Собор, посвященный святому Мартину, был построен в Лукке через шесть сотен лет после Открытия Дорог, не раз перестраивался, пока, наконец, более тысячи лет назад обрел свой окончательный вид. Портик и фасад, созданный мастером Гвидетто да Комо, приковывали взгляд высокими изящными арками, множеством прекрасно вырезанных фигур, дивными орнаментами и величественной фигурой покровителя города, чьим именем собор и был именован. Лицо святого Мартина удивительным образом изменялось в зависимости от того, кто смотрел на святого. Говорят, что, когда на него взглянул убийца, лик этот был столь ужасен, что преступник упал бездыханным...

Впрочем, все это сказки, которые рассказывают старые нянюшки самым юным своим подопечным. Вряд ли бы поверило в них дитя, уже покинувшее люльку...

В тот момент, когда Джон Довертон и его мохнатый спутник подошли к дверям собора, те отворились, и на площадь вышли горожане, посещавшие службу, и звон большого колокола с высокой башни отметил этот момент. Примерно половина жителей города придерживалась именно веры в Единого. Понятно, что были среди горожан и те, кто поклонялся Ниале, Пятерым или Симарглу, были и у них любимые храмы, но вот Джону понадобился в этот вечер отец Паоло.

Вернее, наоборот – отцу Паоло понадобился совет Джона Довертона, да настолько срочно, что два дня назад в дополнение к письму по электронной почте был отправлен магистр.

Джон пропустил последнюю выходящую из храма женщину, подхватил кота под мышку, слегка крикнув от тяжести, и открыл тяжелую дверь, дубовую, окованную латунию с изображенными на ней сценами из жизни святого Мартина.

Священник стоял справа от двери, возле мраморной чаши со святой водой, и беседовал о чем-то с крошечной старушкой, совершенно седой. Повернувшись, она окинула взглядом невежду, посмеявшегося войти в собор после окончания службы. Глаза у нее оказались ясными, светло-голубыми и вполне молодыми.

– Я постараюсь поговорить с Басси, синьора Гаттоне, – улыбнувшись, сказал отец Паоло. – Думаю, вам не стоит беспокоиться.

– Спасибо, святой отец, – старушка распрощалась и засеменила к двери, которую Джон почтительно перед ней раскрыл.

Когда хлопнула тяжелая створка, он посадил Неро на скамью, подошел к отцу Паоло и мужчины обнялись, похлопывая друг друга по спине.

– Ну, здравствуй! – священник отстранился и поглядел на друга. – Прости, что я выдернул тебя так срочно...

Откуда, кстати?

– Ты не поверишь, я сидел в Люнденвике и писал отчеты по последней командировке! Так что твой вызов был воспринят как милость богов.

– И путешествуешь теперь не один, – отец Паоло кивнул в сторону кота, который спрыгнул со скамьи и шел по мраморному полу к хорам, подняв голову и пригнувшись. Усы его подрагивали, желтые глаза отливали зеленью.

– А! Это Неро, в мы встретились в одной из прошлых поездок, и он меня серьезно выручил, так что теперь моя очередь.

– Расскажешь?

– Непременно. Но сначала ты.

– Пойдем... в ризницу что ли, мне не слишком хочется, чтобы кто-то услышал.

Закрыв дверь поплотнее, отец Паоло скинул со стула несколько листов исписанной нотами бумаги, освободил табуретку для себя, сел и задумчиво почесал правую бровь.

– Даже не знаю, с чего начать...

– Начни сначала, дойди до середины, а уж к финалу мы доберемся вместе, – усмехнулся его гость.

– Что-то происходит в городе, и мне это происходящее совсем не нравится.

– Рассказывай, Паоло, рассказывай, иначе как я пойму, где именно искать причины неустройства?

– Ты понимаешь, Лукка – город небольшой, даже если учитывать все пригороды. Половина здешних жителей – приверженцы церкви Единого, и своих прихожан я знаю всех. Так вот, уже какое-то время назад я стал замечать некие... странности. Разные странности – плохие, хорошие и нейтральные, но непонятные.

– Например?

– Ну... – священник задумался. – Хорошая странность: все школьники стали учиться идеально. Причем пойми, когда я говорю «все», это означает, что, в кого ни ткни пальцем из тысячи ста восьми детей от семи до восемнадцати лет, получишь табель с одними десятками.

Довертон слегка оторопел.

– Брось, Паоло, такого не бывает!

– В марте я бы и сам так подумал, – покачал головой его собеседник. – Но, когда школьники вернулись после каникул, учителя обнаружили именно такую картину. Год был закончен так, как я сказал, и с пятнадцатого сентября все продолжилось. Только десятки по всем предметам во всех пяти школах Лукки.

– Ладно. Ну, а плохая странность?

– Неожиданно вернулся Уго делла Кастракани.

– Погоди, он же пропал давным-давно... – Джон был весьма удивлен. В этот город он наезжал часто, и был знаком и с историей его, и с основными его семействами. – Лет десять назад?

– Одиннадцать.

– Да, точно, в семьдесят третьем или семьдесят четвертом... И, насколько я помню, из всей семьи оставалась только старуха Козима, его прабабка?

– Она и сейчас живет в Каза Гранде, – кивнул отец Паоло. – Не стала ни моложе, ни добрее, и, как и раньше, языком ее можно порезаться. Уго она не признала, в дом пустить отказалась, и он арендовал башню Фортиджи.

– Интересно... И как молодой человек доказал свою принадлежность к семье?

– Он предложил самый простой способ, сравнение его ауры с записью в городских книгах. Только вот беда, за неделю до того, как объявился блудный сын, книгу делла Кастракани забрал семейный нотариус Чивитали. Это разрешено законом, никто и не возражал. А наутро Альма, домоправительница Чивитали, прибежала с вытаращенными глазами в городскую стражу и сообщила, что хозяин ее пропал ночью, а в кабинете все перевернуто...

– Так, стоп! – Довертон решительно прервал рассказ. – Это, я чувствую, история длинная, и рассказывать ее лучше за стаканом красного Чильеджоло. Поэтому давай так: я сейчас

наведаюсь в Каза Арригони, поприветствую хозяев и оставлю вещи, а потом мы встретимся... Кантина деи Сапори еще открыта?

– Куда ж она денется...

– Вот там и встретимся. В девять, договорились?

– Буду ждать.

Скромное название Casa Arrigoni ни в коей мере не отражало действительности. Семейству Арригони, одному из самых влиятельных в городе Лукка и его окрестностях, принадлежало здание, которому больше приличествовало бы название Palazzo, дворец. Вместе с пристройками, двориками, соседними домами и всяким прочим занимал он целый квартал. Здесь жили члены семьи, начиная с патриарха, Лоренцо Арригони, недавно отпраздновавшего сто двадцать пятый день рождения, и заканчивая самой мелкой его праправнучкой, полуторагодовой Розы.

Джон Довертон когда-то служил в одном полку с Винченцо Арригони, внуком старого Лоренцо, на границе с Парсом они и сдружились. Позавчера, заказав билеты на дирижабль до Фиренцы, Джон отправил приятелю электронное письмо, так что уверен был, что комната на втором этаже, окнами во двор, уже готова, а на кухне варят его любимую похлебку farinata¹) и пекут хрустящий хлеб biccillato с анисом.

Центральная дверь Каза Арригони была закрыта; впрочем, на памяти Довертона – а он приезжал сюда уже больше десяти лет – ее открывали лишь трижды, на юбилеи самого Лоренцо и его первого наследника и в честь восхождения на престол короля Виктора-Эммануила IX. Наш герой и не стал в эту дверь стучать, а зашел сбоку, с переулка, и попросту открыл не приметную калитку в выкрашенных коричневой краской воротах.

Здоровенный лохматый пес, лежавший на солнышке посреди мощеного камнем двора, открыл левый глаз, шевельнул хвостом и лениво гавкнул. Таким образом он обозначил, что пришедший ему знаком и опасности для дома не представляет. Шедшего следом за гостем кота охранник презрел, не из деликатности, а потому что рос вместе с кошачьим выводком, и всех их считал просто за своих неудачных родственников.

– Бакко, приятель! – Джон присел возле пса и почесал тому пузо. – Где твой хозяин?

– Здесь я! – раздался голос из распахнутого окна второго этажа. – Поднимайся в мой кабинет. Дорожку не забыл еще?

Главный дом Каза Арригони представлял собою четыре корпуса, соединенных в неправильный пятиугольник вокруг просторного внутреннего двора; неправильный, поскольку здание, фасадом выходящее на пьядца дель Кармине, было самым большим. В этом здании располагались комнаты главной ветви семьи – Лоренцо и его жены Лоры, старшего из сыновей Микеле и его прекрасной Малены, а также спальня и кабинет старшего внука, Винченцо.

Дорогу в этот кабинет Довертон хорошо знал, поэтому, не сомневаясь, подошел к неширокой деревянной лестнице с резными перилами. Тут он приостановился, подождал кота и спросил у него:

– Пойдешь со мной, Неро?

Коротко муркнув, его мохнатый спутник в несколько прыжков поднялся до площадки и свернул налево, безошибочно придя к нужной двери.

Друзья обнялись, и Винченцо за рукав подтащил Джона к окну:

– Ну-ка, ну-ка, дай я взгляну на тебя при свете дня. Да, брат, нельзя сказать, чтобы ты сильно изменился за эти два года... Где тебя носило, Джованни?

¹ Farinata – похлебка из фасоли сорта борлотти, кудрявой капусты, сала, томатов и кукурузной муки.

– То здесь, то там – сам знаешь, такая работа, – пожал плечами его гость. – Впрочем, вот как раз последние два года я практически сиднем сидел на месте, в Люнденвике. Меня, видишь ли, попросили прочесть курс в Университете, и я неожиданно увлекся преподаванием.

– Да? И что же ты преподаешь? Науку магического преследования преступников? – разговаривая с Джоном, хозяин кабинета успел достать из шкафа хрустальный графин со светло-золотистой жидкостью, коробку с печеньем и пару старинных кубков, серебряных, с прихотливо сплетенными буквами В и А.

Довертон тем временем сел в кресло и похлопал себя по колену:

– Неро, присоединишься?

Кот покосился на него, независимой походкой прошел по кабинету и взмыл на подоконник. Там сел спиной к комнате и, жмурясь, стал наблюдать за ласточками, чьи гнезда в изобилии лепились под крышей.

Винченцо плеснул в кубки золотистую тяжёлую жидкость, и по кабинету поплыл густой запах переспелого винограда.

– Я рад тебя видеть, – сказал он серьезно, приподнимая свой кубок. – Хотя и догадываюсь, что в Лукку тебя привело дело.

– Ты прав, – Джон пригубил напиток, и приподнял брови. – Однако, такой граппы я еще не пробовал! Весьма хороша, и слишком легко пьется.

Он отставил напиток в сторону и продолжил:

– Я приехал по приглашению Паоло Скальки.

– Отец Паоло... – Винченцо покачал головой. – Добрый человек, но чересчур доверчив и склонен видеть в людях только хорошее. Впрочем, если он тебя вызвал, значит, сумел разглядеть даже больше, чем я. Я-то пока только размышлял, пора ли уже начинать беспокоиться... О чем он тебе рассказал?

– О школьниках, загадочным образом поголовно ставших отличниками, и о возвращении Уго делла Кастракани. А что беспокоит тебя?

– Школьники? – форменным образом вытаращил глаза хозяин кабинета. – Вот об этом я ничего даже не слышал. Впрочем, от детей я стараюсь держаться подальше... И Уго, да, это и впрямь паршиво. У меня тоже есть, что рассказать. Вот такой граппы, – тут он покачал в воздухе кубком, и жидкость маслянисто плеснула по серебру, – больше не будет. Вся лоза Сапайоло Него, что была у семьи Арригони, почти два гектара лучшего старого винограда, выродилась. Как раз вчера по участку ходил сам мэтр Дельгато...

– Погоди, как – выродилась?

– А вот так. Вместо плотных гроздей черно-сизых ягод на лозах висят какие-то жалкие ошметки. Мелкие ягодки, с горошину размером, о вкусе я и не говорю...

– Вот Тьма... И что сказал Дельгато?

– Сказал – будет думать, – мрачно ответил Винченцо, и одним залпом допил все, что оставалось в его кубке.

– Мы с Паоло договорились поужинать в Кантине деи Сапори. Может, присоединишься? Не знаю, какая между вами пробежала кошка, – при этих словах Неро отвернулся от ласточек и вопросительно мурлыкнул. – Не знаю, и знать не хочу, но обсудить ситуацию было бы полезно.

– Присоединюсь, – поморщился Винченцо. – Во сколько?

Скандал был слышен уже на подходе к старинной кантине. Голосов доносилось два: виноватый мужской и неприятно подвизгивающий женский, но, когда приятели свернули в переулок, возле входа в таверну они увидели трех человек. Толстый повар, обмотанный заляпаным фартуком, комкал в руках совершенно уже потерявший форму колпак. Высокая костлявая женщина, оперев левую руку в бок, правой потрясала перед носом у хрупкой девушки. В кулаке

скандалистки была зажата свернутая в трубку бумага, ее оппонентка упрямо качала головой и молчала.

– Что-то непохоже, чтобы нас тут ждали, – вздохнул Винченцо.

В этот момент в конце недлинного переулка показался отец Паоло. Окинув взглядом диспозицию, он хмыкнул, подошел к тетке, как раз перешедшей к описанию происхождения собеседницы и интимных привычек её родителей, и похлопал ее по плечу. Та взвизгнула и от неожиданности подпрыгнула.

– Ты что это удумала, Франка? – ласково спросил Паоло. – Такими словами рот свой поганишь, а если я тебя отправлю с мылом его вымыть?

Франка захлопнула рот, решительно сунула в карман фартука измятую бумажку и присела в неуклюжем реверансе.

– Святой отец, простите, виновата! Но вы бы только послушали, что эта... – тут она явно проглотила пару слов, – тут собирается творить!

Трое мужчин взглянули на организатора конфликта. Перед ними стояла невысокая сероглазая молодая женщина со светло-русыми волосами, заплетенными в тугую косу, в джинсах и белой вышитой блузке. Она сморщила нос, буркнула:

– А шуму-то сколько! – и протянула ладонь для рукопожатия. – Здравствуйте! Меня зовут Лиза фон Бекк, синьор Корнелли пригласил меня стать директором и шеф-поваром этого ресторана.

И она кивнула в сторону потемневшей деревянной двери, возле которой примостилась табличка «Cantina dei Sapori».

ГЛАВА 2

Ну, вот и заканчивается первая неделя моей работы в качестве шеф-повара маленького ресторанчика в Лукке. Крохотный городок в сердце Тосканы, куда меня занесло случайно пару месяцев назад, и где я решила остановиться после полутора лет путешествий. Таверна в самом центре городка, тоже невеликих размеров, на каких-то два десятка столиков – повар, два помощника, четыре официанта и кассирша.

Кто-то может вспомнить, что не прошло и двух лет с тех пор, как я жила в Люнденвике и работала в одном из самых шикарных ресторанов второй гастрономической столицы Старого света; ну, так ведь жизнь меняется. И мы меняемся вместе с ней.

Был большой и шумный мегаполис – сменился на городок едва в десять тысяч жителей. Был роскошный ресторан – а теперь маленькая таверна, она же по-местному кантина. Ну, правда, не помешает упомянуть, что эта самая «Dei Sapori» числится на третьем месте в списке лучших гастрономических заведений Тосканы, и, чтобы получить в ней столик на вечер, нужно записываться недели за две, не меньше.

Нужно было. До недавнего времени. До внезапной смерти старого папаши Бронтолоне. Ладно, начну хотя бы с середины, если уж не с начала.

Меня зовут Лиза фон Бекк.

Довольно долго я жила в собственном доме в Верхнем городе Люнденвика, столицы Бритвальда, работала в ресторане «Олений рог» в качестве сомелье по пряностям и забот не знала, несмотря на потерянные магические способности. Два года назад неожиданно я оказалась запутанной в странную и страшноватую историю, начавшуюся с отравленного бульона на нашей кухне и окончившуюся раскрытием заговора против его величества короля Кристиана II.

Тогда я стала совладелицей «Оленьего рога», побывала на королевском балу в честь Самайна, чуть не погибла, чуть не вышла замуж... В общем, повеселилась на всю катушку, что уж тут скажешь.²

Когда великолепная Лавиния Редфилд, командер Службы магической безопасности, изловила злоумышленников, эта история закончилась, а я уехала к родителям в Сиам. Мой компаньон по ресторану вполне понял мое желание сменить обстановку... в отличие от жениха. Поэтому совладелицей успешного бизнеса я остаюсь – в удаленном доступе – и по сей день, а вот с замужеством не сложилось.

Из Сиам я отправилась в Чинь, оттуда в Новый свет, потом вернулась в Старый, и вот застряла в Лации. В один прекрасный вечер приехала в Лукку, зашла поужинать в Кантину деи Сапори, заглянула на кухню... и пропала, совершенно очарованная их шефом, Джузеппе Бронно по прозвищу Бронтолоне (брюзга). Собственно, для начала мы с Джузеппе сцепились над приправой к оленине – я настаивала на классическом ягодном соусе, а он упорно пропихивал трюфели. Мы вместе приготовили оба варианта, попробовали, призвали пристрастных судей из числа посетителей кантины и пришли к выводу, что и то прекрасно, и это замечательно, каждый соус по-своему. Затем мы спорили о технике приготовления «сувид», чуть не насмерть рассорились из-за салатной заправки и помирились, когда я выудила из памяти рецепт финикового пудинга.

А потом Бронтолоне умер. Внезапно, на кухне, когда рабочий день закончился, столы были отмыты и посуда убрана, он побагровел, схватился за горло и упал лицом в стопку скатертей. Маг-медик прибыл через десять минут, чтобы констатировать смерть из-за закупорки какого-то сосуда.

² Эта история рассказана в романе «Кастрюлька с неприятностями»

Говорят, за десять минут мозг успевает умереть. Уже никто и никогда не узнает, как папаша Бронтолоне собирался приготовить пирог с грибами.

Синьор Корнелли, хозяин кантины – а заодно восьми гектаров виноградников и винодельни, масличной рощи и фермы с сыроварней, винных погребов и небольшого симпатичного замка на холме в пяти километрах от Лукки – закрыл заведение на неделю после похорон Бронтолоне. На второй день он пришел ко мне с деловым предложением...

Не стану говорить, что согласилась сразу, пару дней поразмышляла. Что я теряла? Возможность когда угодно переехать с места на место, еще не увиденные страны и города, свободу, легкость бытия. Что приобретала? Точку в пространстве, где была необходима сейчас.

В конце концов, когда мне надоест – или не получится! – я всегда могу сказать Лукке «прощай!». И я решила согласиться. Несколько дней присматривалась к сотрудникам, оборудованию, запасам, посетителям... и поняла, что почти все нужно менять.

Собственно, сегодняшний скандал с Франкой Польпеттоне, занимавшейся в «Кантине» пастой, был финальным, вишенкой на торте. С самого начала я уволила почти всех официантов, кассиршу и сомелье. Она ходили жаловаться к синьору Корнелли, тот только посмеивался в сивые усы и кивал мне – продолжай, мол. Франку я как раз хотела оставить: паста выходила из-под ее неласковых рук совершенно волшебная, никогда до этого я такую не пробовала. Но увы, один из уволенных официантов приходился ей близким родственником (племянник деверя – для Лукки родство несомненное), поэтому синьора пастая взбунтовалась.

Ладно, разберемся! Сцепив зубы, я повернулась к ней спиной и пригласила клиентов пройти к удобному столику на веранде, под сенью оплетенного виноградом навеса. Подала меню и отошла, искоса наблюдая за новыми лицами.

Ну, то есть, новое-то лицо было одно, представленный мне несколько минут назад господин Джон Довертон, высокий мужчина, широкоплечий, загорелый, словно работал в поле. Длинные темные волосы его были связаны в небрежный хвост, только одна прядка на виске сплеталась в косичку с темно-зеленым тонким шнурком. Не сразу я заметила, что этого человека сопровождал громадный черно-серебристый кот.

Двое его спутников были мне знакомы: отец Паоло, священник церкви святого Мартина, частенько сидел за стаканом вина еще с папашей Бронтолоне. Я сама к почитателям Единого не принадлежала, моя семья традиционно верила в Симаргла, но в собор я заходила несколько раз – очень уж хороши были каменные кружева на его стенах. Ну, а не узнать Винченцо Арригони не смог бы никто, хоть денек проведенный в Лукке...

Винченцо поднял на меня глаза, и я подошла к гостям.

– Вы выбрали, синьоры, или вам что-то подсказать? – с любезной улыбкой я нацелилась карандашом на страницу блокнота.

– Ну, я так понимаю, что пасту сегодня лучше не заказывать? – хмыкнул отец Паоло.

– Я бы рекомендовала с этим пару дней подождать...

В конце концов гости остановились на супе *Garmugia*³, нарезке *biroldo* по-гарфаньянски⁴, и говядине с виноградным соусом.

³ Гармуджа (*Garmugia*) – суп, возникший в тосканском городе Лукка (*Lucca*) в XVII веке. В книгах он был описан как «сытный суп, неизвестный за пределами Италии». Его основные ингредиенты: куриный или овощной бульон, спаржа, артишоки, фасоль, горох, лук, мясо (свинина или говядина). Могут также использоваться, морковь, сельдерей и листья свёклы. Современные повара для аромата добавляют немного панчетты. Некоторые версии гармуджи включают говяжий фарш, мортаделлу, а также сыры (пармезан, пекорино). В старые времена этот суп варился в основном весной, а сейчас – по желанию.

⁴ *Biroldo della Garfagnana* – колбаса, приготавливаемая из самых невостребованных частей свиной туши: голова, сердце, лёгкие, язык, ножки, которые после отваривания перемешиваются с кровью, солью, специями, иногда с изюмом и грецкими орехами. Оболочкой для этой колбасы служит мочевого пузыря или желудок свиньи. Точные пропорции и рецепт варьируется от производителя к производителю – одни добавляют такие травы, другие – эдакие, поэтому даже в Лукке, в мясных лавках, бирольдо может быть разным.

– А для вашего четвероногого спутника что-то будете заказывать? – поинтересовалась я, взглянув на кота. Он сидел на стуле, придвинутом для него Довертоном, и, прикрыв глаза, принюхивался.

– Думаю, Неро с удовольствием съест несколько кусочков бирольдо, – ответил хозяин зверя. – Он вообще любит колбасы.

Я готовила соус к мясу, посматривала на Пьетро, нарезающего овощи для супа, и думала о дальнейшей жизни. Ну, хорошо, я согласилась работать в *Cantina dei Sapori*; взяла на себя не привычную уже часть работы, приправы и пряности, а решила полностью вести меню. Руководить, тьма меня побери! Второй день я работаю на кухне, смотрю на персонал и, честно говоря, сильно сомневаюсь, что мечта синьора Корнелли достижима. Добиться включения ресторана в знаменитый справочник Брессонье, ха! Очень живо себе представляю, как ужинают у нас инспектора этого справочника, а с кухни вываливается Франк Польшеттоне в грязном фартуке и с мукой в волосах и начинает орать во всю глотку.

Ладно, я несправедлива. Синьора пастайя работает в безукоризненной чистоте, этого у нее не отнимешь, а ее тальятели – лучшее, что я пробовала в этом жанре. Но как убедить ее, что можно готовить не только так, как учила ее бабушка, но и иначе?

Да и тьма с ней, с Франкой. Не хочет – не надо, найдем другую. Понятно, что ориентироваться я должна на местные продукты, местные вина и, хочешь – не хочешь, на персонал из местных жителей. Но никто не заставляет меня предлагать то же самое меню, которым славились «Кантина» сорок лет назад.

Значит, первое, что от меня требуется – это идея. Вот над ней и буду думать.

Я обещала синьору Корнелли предоставить свою концепцию через месяц. Прошло только два дня. Значит, у меня есть ровно четыре недели на то, чтобы сформулировать эту самую концепцию, разработать и опробовать меню и подобрать поваров и помощников.

Попробовав соус, я удовлетворенно кивнула и сдвинула кастрюльку в сторону. То, что получилось, ближе к бритвальдскому чатни, чем к традиционным местным приправам для мяса. Осталось протереть всё это через сито, и тогда посмотрим, как понравится моя работа местным уроженцам.

Первое, что сделала вчера, придя к полудню в ресторан – это установила кристалл-наблюдатель в обоих залах; картинка транслировалась пока на мой коммуникатор, дальше решу, как быть. Сейчас, взглянув на экран, я увидела, что гости закончили с супом, да и их бокалы с белым вином пусты. Самое время выйти и спросить, подавать ли говядину. На самом деле, говядина должна еще минут пять-семь отдохнуть на решетке, ну да пока поговорим, разольем красное вино, как раз и поспеет.

Бутылку *Bibi Graetz Toscana Colore* новый сомелье, пришедший со мною вместе Марко Фонтеруттоли, открыл полчаса назад, на глазах у клиентов перелил в декантер, прикрыл крахмальной салфеткой и оставил на приставном столике. Сейчас он с волнением следил за тем, как гость из Люнденвика поднес бокал к носу, принюхался, покрутил, понюхал снова и, наконец, отпил первый глоток.

Подойдя к столику, я улыбку; тем временем Джемма, официантка, собирала грязные тарелки и приборы. Я поняла, что стараюсь левым глазом контролировать, как она это делает, в то же время правым изучая выражение лица Винченцо Арригони. Да я с такой работой расходящееся косоглазие получу!

– Итак, синьоры, готовы ли вы к главному блюду?

– Говоря откровенно, я уже сыт, – улыбнулся Довертон. – Но не могу устоять перед соблазном еще раз съесть кусок настоящей говядины с лукканских холмов. Да и вино просто требует хорошего мяса!

Отец Паоло согласно кивнул, Винченцо крошил хлеб и о чем-то думал. «Ну, скажи что-нибудь, Арригони! За тобой повторяют здесь всё, от манеры одеваться до спортивных пристрастий, так помоги же и мне!» – сердито подумала я, и в то же мгновение молодой человек поднял голову и сказал:

– Здесь многое изменилось, но, пожалуй, пока мне это нравится.

– Вот и отлично! Тогда я попрошу Джемму подавать говядину, – я приветливо кивнула и отошла к другому столику, где усаживалась только пришедшая компания шумных туристов, судя по громким голосам и обилию записывающих кристаллов – из Нового Света.

К девяти вечера оба зала были забиты битком, только успевай поворачиваться. Ну, мы и успевали: я вместе с двумя поварами и двумя помощниками готовила, Джемма, Марио, Луиза и Лука подавали еду, приносили и открывали вино, убирали грязные тарелки, уворачивались от похлопываний по разным частям тела и шутили с постоянными гостями. А постоянных сегодня было много, почти все столы были заняты жителями Лукки и ее окрестностей. Надо же, как быстро разошлись слухи о том, что замечательного папашу Бронтолоне заменила какая-то бритвальдская пигалица! Что же, туристы приходят и уходят, а вот если местные меня не примут, останется только собирать манатки и снова переезжать.

Последняя компания, хозяин крупной винодельни Джузеппе Гредиано с приятелями, засиделись до глубокой ночи. Около полуночи я отпустила официантов, еще чуть раньше ушли, убрав кухню, повара и поварята. Наш милейший сомелье составлял мне компанию, тем более, что гостей неожиданно стало больше, потребовалось еще вино, и Марко крутился с бутылками и бокалами.

Я вышла из кантины подышать. К ночи небо расчистилось и сияло такой звездной россыпью, какую никогда не разглядишь в Люнденвике. Справа за крохотным облаком пыталась скрыться полная луна. Переулочек наш был пуст и тише, большая часть горожан уже сладко спала в своих постелях. Сейчас выпроводим последних гуляк и тоже отправимся по домам: Марко к матушке, в маленький домик на виа дель Торо, я в арендованную квартиру на виа Филлунго.

Повернувшись, я заметила совсем рядом, в арке, высокую темную фигуру и от неожиданности взвизгнула, на пальцах у меня загорелся огонек огненного удара. Фигура шагнула вперед и, освещенная фонарем, оказалась высокой и нескладной девушкой. Я развеяла заклинание и протерла глаза: от усталости мне, что ли мерещится? Да нет, точно: волосы девушки выкрашены в синий цвет, а уж как выстрижены!.. С боков практически сбрито наголо, справа свисает длинный чуб, сзади заплетена тонкая косичка...

– Здравсте, – сказала девица.

– Доброй ночи, – приветливо ответила я, правой приоткрывая дверь в кантину, чтобы было куда шмыгнуть в случае чего.

– Это... мне бы госпожу Лизу повидать...

«Ты бы еще на пару часов позже пришла!» – подумала я, но сразу обижать гостью не стала. Мало ли, что незваная, а вдруг пригодится.

– Лиза – это я. А кто вы, можно узнать?

– Я Стефания... Мне сказали, что вам нужна пастайя, ну вот... Я и пришла.

– Очень хорошо, Стефания. Пастайя нам действительно нужна, только вот время уже позднее. Может быть, вы придете завтра часам к двенадцати, и мы поговорим?

– Да не смогу я! – сказала она с досадой. – Меня мама из дому не выпустит просто так!

– А кто у нас мама?

– Вы же ее сегодня уволили, Франка Польпеттоне...

Опаньки... Это что, блудная дочь мятежной Франки? А если я возьму ее на работу, мне повыдергают волосы и сделают такую же прическу без помощи ножниц? С другой стороны,

с пастой и вообще с тестом она должна уметь управляться. Известное дело, здешние матери своих детей к семейному ремеслу приучают с самых ранних лет...

– Стефания, сколько тебе лет? – поинтересовалась я, отбросив лишние церемонии.

– Восемнадцать. Правда-правда, уже исполнилось! Уже две недели назад!

– То есть, ты полноправная гражданка королевства Лаций, несешь ответственность за свои поступки, имеешь право на защиту короны и наделена совокупностью всех прав и обязанностей, из этого вытекающих?

Она пошевелила губами, повторяя про себя эту формулировку, выученную мною на лекциях по гражданском праву, и твердо кивнула:

– Да. Несу, имею и наделена.

– Ладно, – сказала я, открывая дверь пошире. – Проходи, и сразу направо, на кухню. Поговорим.

ГЛАВА 3

К вечеру Довертон изрядно проголодался: последний раз он ел еще на борту дирижабля «Королева Елена». Это было давно, да и тамошнее меню, прямо скажем, не радовало разнообразием. Потом был поезд от Фиренцы до Лукки, потом рюмка граппы в Каза Арригони... В общем, есть хотелось очень.

И тем не менее, он едва не предложил друзьям поискать другое место для ужина, когда у самых дверей некогда любимого ресторана обнаружил некрасивый скандал, а в ресторане – нового шеф-повара.

– А куда дели папашу Бронтолоне? – спросил он у Винченцо, пока девушка, представившаяся директором и прочим, ходила за меню.

– Умер он две недели назад. Тромб оторвался, это же мгновенно, вот маг-медик и не успел, – ответил Арригони, осматривая зал. – Вроде всё пока по-старому, только лица все новые.

– Ну, если честно, официантов тут стоило поменять еще пару лет назад, – возразил отец Паоло. – Последнее время они совсем обленились, да и вежливостью особой не страдали. Старый Бронтолоне обслуживанием не занимался, он всё рецептуры совершенствовал.

– Интересно, почему синьор Корнелли выбрал не кого-то из местных мастеров, а приезжую девицу? – Винченцо повернулся и посмотрел в сторону кухни.

– Узнаем, – отец Паоло пожал плечами. – Мы ведь никуда не торопимся. Итак...

И он раскрыл принесенное меню.

В конечном итоге выбор был сделан, Лиза фон Бекк ушла на кухню, высокий молодой человек в смокинге, волнуясь, открыл бутылку отличного местного вина, перелил его в декантер и отставил в сторону.

– Может быть, пока по бокалу просекко? – спросил он.

– Хм... Ну что же, давай. Как, говоришь, тебя зовут?

– Марко. Я сын Лоредано Фонтеруттоли, парусного мастера.

– Ну что же, отлично! Неси просекко, Марко, и знаешь что... Пожалуй, к супу подай нам по рюмке хереса. Амонтильядо, если есть.

– Да, отец Паоло! – молодой человек слегка поклонился и ушел, чтобы через минуту вернуться с бутылкой игристого вина.

Только тогда, когда было разлито по бокалам густое и терпкое красное Bibi Graetz, и попробован был первый кусок говядины, Довертон спросил:

– Итак, с чего начнем?

– С Уго делла Кастракани, – решительно ответил Винченко. – И дело вовсе не в том, что это семейство всегда было с нами на ножах, просто это наиболее тревожащее событие. О школьниках я сегодня впервые услышал, надо все проверить, а вырождение лозы вообще непонятно.

– Я бы сказал, что формулировка «вообще непонятно» в равной мере подходит ко всем трем упомянутым историям, – хмыкнул Джон. – Между прочим, Винс, попробуй чатни – с мясом просто превосходно!

Арригони с сомнением посмотрел на темно-красное, почти фиолетовое желе и обмазал им кусок мяса.

– И правда, неплохо, – согласился он, прожевав. – Паоло, ты расскажешь про нотариуса?

– Расскажу. Итак, Альма, домоправительница нотариуса Чивитали, прибежала в городскую стражу с рассказом...

Альма, седая грузная старуха, была кухаркой нотариуса Чивитали всю жизнь, сколько помнили себя его соседи. Видно, в ее родословной отмечился кто-то из сильных магов, и женщина получила в дар долгую жизнь и железное здоровье. Только поэтому Альма не потеряла соображение и сумела добежать до стражников, когда обнаружила, что в кабинете нотариуса все перевернуто, бумаги разбросаны по полу и затоптаны, а самого синьора Чивитали нет нигде в доме. Ясное дело, она проверила в спальне (а вдруг заспался или плохо себя почувствовал?), в ванной (ну, мало ли что!), во дворе и даже на кухне, куда хозяин в жизни носу не казал. Все было напрасно.

Помощник начальника городской стражи Лукки, капитан Дальвени, для начала попробовал набрать номер нотариуса на коммуникаторе: тот хоть и был уже довольно стар, но от технических новинок не отказывался. Однако там, на другом конце воображаемого провода, никто не откликнулся, суховатый голос Чивитали не прозвучал. Капитан отправил двоих подчиненным все обследовать, потом подумал и сам тоже пошел. Ничего нового в доме нотариуса он не обнаружил, однако сообразил снять следы ног с документов на полу и отпечатки пальцев со стола, книжных полок и дверных косяков. Замки не были взломаны, окна оставались закрытыми, правда, вот собака... Пес был почти таким же старым, как Альма, плохо видел и слышал, но лаял громко. Тем августовским утром его обнаружили в конуре уже остывшим.

– Может, просто от старости умер? – перебил рассказчика Довертон.

– Нет, умер он от сильного удара по голове.

– Капитан догадался отправить собаку на вскрытие?

– Более того, – кивнул отец Паоло, – патологоанатом предположил, что удар был нанесен чем-то вроде трости с металлическим набалдашником.

– Трость... и ночной грабитель. Как-то не очень вяжется. А что пропало, удалось установить?

– Удалось, – продолжил рассказ Винченцо. – Пропала семейная книга делла Кастрани... И еще двух семей, Гуэррани и Белладжио.

– Я не такой знаток истории города, чем они примечательны, эти семьи?

– Ну, для начала, они весьма богаты. Гуэррани принадлежит завод масла и гектары оливковых рощ, а Белладжио на своем небольшом участке нашли жилу орихалка.

– Ого! Я считал, что его добывают только в орочьеи Степи!

– Вот представь себе, и здесь нашли, примерно сорок лет назад, на чем и разбогател Лука Белладжио. У него шесть сыновей, все разъехались по свету, потом вернулись, но не все. Самый младший, по слухам, добрался до Нью-Зеланда и там погиб... в семьдесят третьем году.

– Погиб?

– Тоже по слухам.

– В семьдесят третьем... – задумчиво повторил Джон, покачивая бокал с вином. Жидкость лениво растекалась по стенке сосуда и так же лениво сползала, оставляя длинные следы.

– Я позволю себе добавить, что пятеро оставшихся сыновей Луки ни в какой степени не могут быть названы образцами нравственности и примерами для подрастающего поколения, – негромко сказал отец Паоло. – Мы все живые и никто не совершенен, но это молодые люди переходят все границы.

– Например?

– Ни один отец не выпустит из дома дочку, а муж – жену, если прошел слух, что братья Белладжио приехали в город...

– А обычно где они живут? – Джон перебил священника вопросом.

– Как я говорил, у них есть участок земли в пятнадцати километрах от Лукки, рядом с монастырем Вальдоттаво, – ответил Винченцо. – Там большой дом, где и живут братья, а их отец – в семейной Casa в городе.

– Понятно. Извини, что перебил и продолжай, Паоло!

– Да, собственно, я все сказал. Они пьют все, что горит, считают добычей любую женщину в возрасте от тринадцати до сорока, и к чужой собственности относятся без какого-либо почтения. Пока что братья Белладжио находятся в шаге от того, чтобы быть арестованными за нарушение общественного порядка, и тогда уже никакие деньги папаши их не спасут. Ну, я надеюсь на это.

– А что, начальник городской стражи?..

– Нет-нет! – Винченцо усмехнулся. – Я могу сказать это с полной ответственностью, поскольку этот самый начальник стражи мой кузен, Томмазо Арригони.

– Ладно, с этим понятно. Единственный вопрос – а как у семейства Белладжио с магией?

– Слава Единому, – отец Паоло осенил себя знаком святого круга, – по нулям.

– И у того пропавшего младшего?

– А это неизвестно. Ему не было ещё и двадцати, магия могла просто не проснуться. Но вообще в семье никогда не было магов.

– Хорошо, – Джон допил вино, нашел глазами сомелье и помахал ему, показывая опустевшую бутылку Bibi Graetz. – Теперь о втором семействе, как его?..

– Гуэррани. У Паскаля и Филиппы была только одна дочь Лаура, поздний ребенок, поэтому он официально усыновил племянника. Лаура художница, довольно известная, живет уже давно в Нордхейме с мужем.

– Надо же, как ее далеко унесло от родных холмов! – хмыкнул Довертон, разливая вино. – А что племянник?

– Да он такой же племянник, как я – чиньский мандарин! – Винченцо слегка опьянел и говорил громче, чем следовало бы. – Тихий, как мышь, типичная конторская мышь! Серый весь такой...

– Пойдем-ка прогуляемся, – сказал отец Паоло. – Кажется, всем нам не помешает проветриться и поговорить на свежем воздухе.

Понятное дело, свежесть была относительной. Все же в середине сентября в Лукке и ее окрестностях еще почти лето, и ночь приносит не прохладу, а только отдых от жары. Но все же после духоты небольшого зала ресторана, набитого посетителями, в ночном городе было хорошо. Ничьи больше шаги не нарушали тишину пустынных улиц, только полное яблоко луны иногда выглядывало между высокими башнями.

Возле поворота в один из переулков Неро приостановился с коротким «Мрр», на что Джон ответил:

– Иди, конечно, где меня искать, ты знаешь!

Кот растворился в темноте.

В молчании друзья дошли до Каза Арригони, свернули к боковым воротам, и Винченцо сказал:

– Про нотариуса мы тебе не рассказали.

– Пока не надо, – покачал головой Довертон. – Для начала мне нужно расспросить его экономку. Затем я бы хотел увидеть семейную книгу Арригони, если это возможно, а уже потом буду задавать вопросы. И еще, прямо с утра стоило бы встретиться с мэтром Дельгато, поговорить о винограде.

Паоло и Винченцо переглянулись.

– Книгу... Не знаю, что скажет на это дед...

– Думаю, Лоренцо не станет возражать. До завтра, Паоло. Я зайду к тебе после утренней службы.

Войдя в отведенную ему комнату, Джон первым делом распахнул окно. В подоконник упиралась толстая ветка старого вяза, так что, когда Неро решит вздремнуть рядом с хозяином

– или все-таки партнером? – ему не придется прилагать лишних усилий. Щелкнув пальцами, маг зажег фонарик и осмотрелся: нет, ничего в комнате не изменилось с тех пор, как он приезжал в Лукку в прошлый раз. Широкая кровать с балдахином на витых деревянных столбиках, письменный стол с резными львиными головами на боковых панелях, комод, украшенный резными перламутровыми вставками, кресло возле стола... Креслом Джон временно пренебрег, уселся на подоконник и, глядя на луну, стал размышлять.

Он не сказал друзьям, что в Лукку его привело не только и не столько письмо от отца Паоло; оно стало, скорее, последней каплей. Вот уже несколько месяцев командер Службы магической безопасности Союза Королевств Джон Уильям Довертон, барон Рексхэм, складывал картинку из разрозненных событий, происходящий то в одном, то в другом уголке подведомственной СБ обширной территории. И пазл выходил поганенький.

В Союзе королевств шестнадцать государств Старого света плюс империя Новый свет. Центральный офис Службы магбезопасности находится в Лютеции, а подразделения в каждой из столиц специализируются на чем-то своем. Ну, например, коллеги из Монакума расследуют магический промышленный шпионаж, а вот слишком любопытными гостями из Парса или Белуджистана займутся в Москве; дела тех, кто практикует запрещенную магию крови, оседают в Барсе; преступления на почве ксенофобии – в Кракове. Офис же в Люнденвике собирал все, что выламывалось из определенных рамок, чему нельзя было сразу дать определение.

Для начала эпизодами, привлечшими внимание Довертона и его коллег, были таинственные исчезновения невест. Первое из них произошло полгода назад в чинном, насквозь прозрачном Кембридже. Юная леди Селена, дочь профессора Грауэрмана, пропала из «часовни невест» в церкви Великой матери, где, по традиции, девушку оставили за пятнадцать минут до начала церемонии бракосочетания, чтобы она могла в последний раз взвесить все за и против грядущего брака. Когда взволнованный профессор выскочил из часовни с вытаращенными глазами, кое-кто решил, что леди Селена передумала и сбежала. Да-да, сбежала прямо в пышном белоснежном платье, фате с длинным шлейфом и жемчугах, подаренных женихом, а никто из собравшихся возле церкви её и не заметил. Грауэрман слёг, жених, несмотря на горе, потребовал возврата стоимости ожерелья, местные сплетницы пару недель ни о чем другом не говорили.

Вот только девушка так и не нашлась, несмотря на самый тщательный поиск по параметрам ауры и прочим.

Потом было еще несколько похожих случаев в разных местах и разных церквях; один из младших коллег Довертона, сержант Симпсон из городской Стражи Люнденвика, был родственником Селены Грауэрман, он-то и сумел провести аналогию. В вычерченной Симпсоном таблице все было предельно ясно: пропадали девушки из хороших и весьма обеспеченных семей, очень молоденькие (самой младшей из жертв было семнадцать, старшей – двадцать), имеющие в числе близких родственников магов, или же являющиеся носителями хотя бы четверти эльфийской крови.

Количество свадеб в Бритвальде резко сократилось.

Сотрудники Службы магбезопасности постарелись.

Следующая серия, выламывающаяся из любых рамок, оказалась столь же возмутительной. По всему Бритвальду, а также по Царству Польскому и Царству Русь прокатилась волна отравления... чаем. Известно, что из всех стран, входящих в Союз королевств, только в этих трех чай употребляют для утоления жажды и излечения от простуды, для разговора и удовольствия, вместо вина, кофе и лекарства от неприятностей. Когда Довертон и его коллеги отсеяли лишнее, оказалось, что ядовит был чайный лист, поступивший с чиньских плантаций в короткий период в середине марта. Специалисты СБ рыли, словно сумасшедшие кроты, но источник яда не находился. Один из молодых энтузиастов даже вырастил чайный куст, ускоренно, действуя поочередно магией смерти и воды... и чудом остался жив, когда попробовал заварить

собственноручно ферментированные листья. Оказалось, что именно такое сочетание формул плюс ферментация дают в итоге ту самую искомую отраву.

По счастью, смертельных случаев оказалось немного, но и полтора десятка жизней разумных никто не может обрывать безнаказанно.

Третий комплекс странностей как раз позволил связать все случаи в некую несуразную цепочку. На сей раз снова был задет Бритвальд – плюс Лаций и Дойчланд. Во всех трех странах традиционно в июне проводятся выставки кошек, куда в невероятном множестве съезжаются поклонники мурлыкающих домашних тиранов. Июнь 2185 года от Открытия Дорог ничем не отличался от любого из предыдущих, за тех исключением, что не удалось выявить победителей. Выставочные коты и кошки, холеные, обученные, любимые и благосклонно принимающие любовь, неожиданно сходили с ума и бросались на хозяев. Кое-кто из участников получил столь тяжелые травмы, что маги-медики с трудом вернули их к жизни.

Кстати, именно тогда Довертон свел знакомство с Неро, который после ряда совместных приключений милостиво согласился его сопровождать.

Джон ждал лишь нового витка странностей, и письмо отца Паоло послужило сигналом: началось.

Надо ли говорить, что совсем не все его коллеги по Службе магической безопасности готовы были согласиться с тем, что перечисленные происшествия представляют собой серию. Ерунда, твердили они, нет ничего общего между сбежавшими невестами в Бритвальде и сумасшедшими кошками в Лации. Но Джон упрямо складывал в толстеющую папочку новые и новые документы. Он никому не говорил, но каждый раз, когда попадался ему этакий несообразный случай, где-то за левым ухом он слышал гадкий, зловредный смешок – то ли Дар его срабатывал вот так неожиданно, то ли каким-то непостижимым образом лично Довертон был связан с магом, устраивающим все эти неприятности...

Лунный лик затянула маленькая тучка. Джон спрыгнул с подоконника, достал из резного высокого шкафа серебряную рюмку и графин с граппой. Той самой граппой семьи Арригони, которой больше не будет. Н-да... Со стороны окна раздалось короткое басовитое мурлыканье – Неро вернулся с прогулки.

– Ну как, попалось что-нибудь интересное? – спросил у него Джон, наливая себе граппы. – Тебе не предлагаю, извини.

Кот проигнорировал неостроумные, по его мнению, замечания и улегся на кровати. Залпом опустошив рюмку, человек последовал его примеру.

ГЛАВА 4

Со Стефанией мы долго беседовали, и я готова была бы взять девушку на работу, но останавливало лишь одно: сколько поняла я характер её матушки, боевой Франки Польпетоне, с той станется запереть дочурку в комнате и не выпустить.

– Надо как-то договариваться, – сказала я. – Ничего не поделаешь...

– Последний раз мне удалось с ней договориться, когда мне было шесть лет, – мрачно ответила Стефания. – И то это касалось лишь цвета ленточек в косах... Вот разве что...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.